

Бесспорно, язык представляет собой одну из важнейших и наиболее характерных особенностей в ряду других черт, которыми обыкновенно определяется каждая этническая особь человеческого рода. Народы различаются между собой прежде всего по языку и на основании большего или меньшего сходства своей разговорной речи распределяются в те или иные этнические группы. С этой стороны близкое племенное родство великорусов, малорусов и белорусов, как уже было разъяснено выше, не подлежит никакому спору: современная наука точно установила факт целостности и единства всех русских наречий в смысле принадлежности их к одной и той же лингвистической категории — русскому языку. Но столь же несомненно единство всех трёх ветвей русского народа в отношении других этнических черт, как-то: народных преданий, повестей, сказок, поверий, песен, обрядов, быта семейного и общественного, свойств физических и душевных и т. п. Конечно, каждая из русских народностей во всех этих отношениях представляет и свои индивидуальные черты, так как иначе нельзя было бы и говорить о существовании каких-либо разновидностей данного народа или племени; но вместе с тем у великорусов, малорусов и белорусов наблюдается такое множество общих этнических особенностей, что на все три народности нельзя смотреть иначе как на части одного целого — русского народа. Последнее положение давно уже стало аксиомой в жизни и науке. Не признают его только некоторые галицкие учёные и публицисты и наши крайнофилы, желающие видеть в великорусах и малорусах непременно два совершенно самостоятельных и резко отличающихся между собой народа. К ним примыкает и г-н Михальчук, выступивший на страницах «Киевской старины» с опровержением данного положения, в котором он видит не более как моё личное «усмотрение». Господин критик рекомендует моему вниманию статью Н.И.Костомарова «Две русские народности», в которой, по его словам, «покойный историк устанавливает столь глубокие различия в историческом, бытовом и психологическом отношениях между сказанными двумя русскими народностями, что они доходят почти до полного контраста между ними и едва ли в такой степени встречаются между народностями других отраслей славянского племени». Затем г-н Михальчук ссылается на статьи профессора Д.Н. Анучина «Великорусы» и

«Малорусы» (в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона), в которых говорится о физических и этнографических отличиях малорусов от великорусов, и, наконец, отмечает факт проявления «типических черт в высокой степени оригинальной и резко очерченной индивидуальности народной в событиях всей исторической жизни южнорусского народа, от самого её начала и до настоящего времени».

Однако, присматриваясь ко всем данным, на которые ссылается г-н К. Михальчук, и даже допуская, что они соответствуют действительному положению дела и лишены всякой субъективной окраски (что едва ли так), я не могу не поставить такого вопроса: какой же, собственно, вывод вытекает из этих данных? Да никакого другого, кроме следующего: малорусы не совсем то, что великорусы; великорусы не совсем похожи на малорусов; каждая из этих ветвей русского народа представляет свои любопытные этнографические особенности. Но этого вывода ведь никто и не отрицает; никто и не оспаривает факта известного разнообразия в русском племенном типе. Дело лишь в том, что такое разнообразие несколько не мешает единству русского народа. Ведь абсолютного единства и не существует в природе; оно всегда заключает в себе и элементы разнообразия. Например, никому и в голову не придёт отрицать единство данной семьи потому, что одни члены её имеют светлые волосы, другие — тёмные, одни с большою охотой занимаются музыкой, пением или литературой, а другие предпочитают более практическую деятельность, одни отличаются более ровным и спокойным характером, другие, напротив, вспыльчивы и раздражительны и т. д. Вот такого единства в разнообразии не понимают или не хотят понять сторонники украинфильских тенденций. Но в ошибочности их взглядов легко убедиться, если, оставив в стороне великорусов и малорусов, обратить внимание на другие славянские народы, например на поляков, чехов, болгар, сербо-хорватов. В среде каждого из этих народов мы встречаемся с не меньшим этническим разнообразием, чем в среде русского народа. Так, мазуры, слезаки, горали не только по своим наречиям, но и по физическому типу и душевным особенностям, и по образу жизни, и по обычаям значительно отличаются от малополян и великополян, и, однако, никто не сомневается в том, что все эти народности составляют один польский народ. Ещё более

характерных этнографических отличий находим между типическими разновидностями сербо-хорватского народа — сербами королевства и черногорцами, далматинцами и босняками, приморскими хорватами и славонцами. Равным образом и мораване, особенно наиболее типические представители их — валахи и ганаки, не совсем похожи на западных чехов и тем не менее составляют с ними одно этническое целое. Значительное разнообразие в отношении языка, обычаев, одежды, образа жизни, психических особенностей представляют славянские племена восточной половины Балканского полуострова, обитатели Родоп и долины Марицы, Балкан и Придунайской Болгарии, окрестностей Витоша и Рыла, и, несмотря на все эти частные этнические отличия, все эти племена признаются разновидностями одного и того же болгарского народа.

В частности, по поводу ссылки на статью Н.И. Костомарова «Две русские народности» считаю нужным сделать следующее замечание. Предложенная в этой статье характеристика двух отраслей русского народа, на мой взгляд, отнюдь не даёт основания заключать о «почти полном контрасте между ними», как это представляется г-ну Михальчуку. Напротив, мне всегда казалось, что этнические, бытовые и психические черты, которые покойный историк присваивает каждой из русских народностей, взаимно дополняют одни другие и в своей совокупности служат для характеристики цельного русского этнического типа. Так, между прочим, смотрел на дело величайший и гениальнейший из малорусов Н.В. Гоголь. В письме к А.О. Смирновой в 1844 году он пишет: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнять одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Во всяком случае, Н.И.Костомаров, противопоставляя малорусов великорусам, говорит отнюдь не о двух обособленных народах, а о двух русских народностях, то есть о двух разновидностях русского народа, между которыми признаёт самую тесную связь и близкое племенное и культурное родство. Это видно особенно ясно из другой его работы, помещённой в том же (первом) томе «Исторических монографий и исследований», где находится и упомянутая статья «Две русские народности». Я разумею его «Мысли о федеративном начале Древней Руси». Установив положение, «что в первой половине нашей истории, в период удельно-вечевого уклада, народная стихия общерусская является в совокупности шести главных народностей (южнорусской, северской, великорусской, белорусской, псковской и новгородской)», автор затем говорит: «Теперь следует нам указать на те начала, которые условливали между ними связь и служили поводом, что все они вместе носили и должны были носить название общей Русской земли, принадлежали к одному общему составу и сознавали эту связь, несмотря на обстоятельства, склонившие к уничтожению этого сознания». Этими началами, по мнению Н.И.Костомарова, были происхождение, быт и язык, единый княжеский род, христианская вера и единая церковь.

Итак, этническое единство великорусов, малорусов и белорусов составляет неоспоримый факт, факт науки и жизни, отрицание которого на страницах учёного журнала нужно считать по меньшей мере странным недоразумением. При этом особенно важное значение имеет то обстоятельство, что племенное единство русских народностей не только существует как явление природы, которое может быть предметом ежедневного наблюдения и изучения, но всегда жило и живёт в сознании самих народностей. Крепко было это сознание в Древней Руси, не заглохло оно в тяжёлые века политического разобщения русского севера и юга и ярким пламенем вспыхнуло в XVII веке, когда в эпоху Богдана Хмельницкого облегчало слияние Малой и Великой Руси в одно государство. Наконец, и в настоящее время племенное единство живо сознаётся всеми ветвями русского народа, не исключая и зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), находящейся в крайне тяжёлых условиях политического и национального существования.

Крепости сознания племенного единства как у великорусов, так и у малорусов и белорусов содействовало и содействует единство веры и связанная с этим общность многих основных начал образованности.

Факт этнического единства всех ветвей русского народа — великорусов, малорусов и белорусов — сам по себе, независимо от политических причин и обстоятельств, предполагает единение всех их в одном общем литературном и образованном языке. В этом отношении русский народ должен был следовать тому общему закону культурного развития, которому следовали и другие великие народы Европы старого и нового времени — греки, римляне, французы, немцы, англичане и итальянцы, — создавшие свои общие литературные языки, которые с течением времени получили мировое значение. Внешние политические обстоятельства только содействовали естественному ходу вещей, намечая пути и направления, по которым должно было двигаться великое дело создания книжного единения для всех частей русского народа. Сплочение в одном могущественном государстве всех разновидностей русского народа (за исключением трёх с половиной миллионов австро-угорских малорусов) облегчило и узаконило образование общего для всех них литературного языка.

В настоящее время русский народ и обладает таким общим литературным языком, которому с полным правом присвоится название общерусского. Все ветви русского народа одинаково им пользуются как языком школы, науки, литературы и общественной жизни. Только среди трёх с половиной миллионов малорусов Галицкой, Буковинской и Угорской Руси наблюдаются более или менее значительные помехи широкому употреблению нашего общерусского литературного языка, но и там он имеет немало своих почитателей и сторонников. Зато значение общерусского языка распространяется далеко за пределы этнографической Руси. Служа органом богатой научной и художественной литературы, снискавшей себе известность и уважение у величайших культурных народов Западной Европы, он исполняет роль языка образованного у многочисленных нерусских народов, входящих в состав Русского государства, всё более привлекает к себе внимание южных и западных славян и по площади распространения не уступает ни одному другому мировому языку.